

«Заметки о журналах» как высшее достижение Некрасова-критика. Автор «Заметок» о патриотизме. Некрасов о задачах современной русской литературы. Некрасов о ведущих писателях эпохи

Напряженно работая сначала над составлением, а затем над дополнением и подготовкой к печати сборника стихотворений 1856 года, Некрасов в то же время, т. е. в 1855—1856 годы, период, характеризуемый необычайным подъемом его творческих сил, которому не могла помешать даже тяжелая болезнь, — взял в свое ведение один из важнейших отделов «Современника» — «Заметки о журналах» и вел его почти целый год. «Заметки о журналах» — это ряд критических фельетонов, выявляющих отношение журнала к явлениям литературной современности. Когда, уже в советскую эпоху, «Заметки о журналах» привлекли внимание исследователей, то очень быстро выяснилось, что они представляют незаурядную ценность и как одно из ярких проявлений революционно-демократической критики вообще, и как незаменимый материал для освещения литературно-эстетических взглядов самого Некрасова. Поскольку этот материал подкрепляет, а в некоторых отношениях дополняет и углубляет высказанное Некрасовым в его стихотворных эстетических декларациях, следует на нем остановиться особо, хотя бы в максимальной краткой форме.

Прежде всего, необходимо отметить, что «Заметки о журналах» представляют собой последний этап деятельности Некрасова как критика. Свыше 15 лет, с 1841 по 1856 год, выступал Некрасов на критической арене. Им дана оценка свыше двухсот сборников, романов, повестей, рассказов, драматических произведений, целого ряда периодических изданий и т. д. и т. п. Конечно, далеко не все критические статьи и рецензии Некрасова равноценны. Его первые опыты в этом на-

правлении носят еще несколько бледный, ученический характер, но, вообще говоря, рост Некрасова как критика совершается очень быстрыми темпами. Его отзывы начинают совпадать с отзывами Белинского, что являлось не только результатом прямого и непосредственного влияния статей Белинского, но и следствием того, что мысль Некрасова стала работать в том же направлении, что и мысль Белинского. Самое знакомство Некрасова с Белинским явилось результатом близости их критических оценок. Вот что говорит об этом Некрасов в своей автобиографии: «Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским».¹

Уже на ранних этапах своей критической деятельности Некрасов ратует за содержательность и идейность художественных произведений, за их естественность и близость к действительности. А потому вполне естественно, что он восставал против вульгарного эпигонского романтизма (рецензии на «Сто русских литераторов», 1841; «Очерки русских нравов» Ф. Булгарина, 1843; «Казачи» А. Кузьмина, и т. д.) и вел последовательную борьбу за гоголевское направление (фельетон «Литературные новости», 1844; рецензии на 1-ю часть «Физиологии Петербурга», 1845; на роман А. Сологуба «Тарантас», 1845; на первые два выпуска «Музея современной иностранной литературы», 1847; на комедию И. С. Тургенева «Холостяк», 1849, и т. д.). Само собой разумеется, что борьба Некрасова за гоголевское направление была не только борьбой на литературном фронте, она являлась в то же время формой политической борьбы. Защищая основные требования этого направления — право литературы на «низкую» тематику, в том числе на правдивое изображение «мужика», право ее на разоблачение глубоко отрицательных сторон николаевской действительности, — Некрасов тем самым включался в борьбу с крепостничеством, ибо, по выражению Ленина, в ту эпоху, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом».² Борьба же с крепостным правом неизбежно приводила передовых людей того времени к борьбе с главной опорой крепостничества — самодержавием.

¹ «Литературное наследство», кн. 49—50. Н. А. Некрасов, I, Изд. АН СССР, М., 1946, стр. 164.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 473.

Таким образом, уже в середине 40-х годов Некрасов, как мы не раз отмечали, определенным образом примкнул к революционно-демократическому крылу русской общественности, в основе взглядов которого лежало чувство патриотизма. Среди представителей тогдашней литературы не было никого, кто сильнее, чем Некрасов, выразил бы чувство глубочайшей любви к родине, к России. Этим и объясняется, что патриотизм лег в основу его зрелых критических суждений, нашедших себе выражение в «Заметках о журналах». Особого внимания заслуживают следующие проникновенные слова Некрасова из «Заметок о журналах за сентябрь 1855 г.»: «Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; в горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию» (т. IX, стр. 313).

При таком взгляде на патриотизм естественно, что Некрасов пришел к убеждению, что литература только тогда сможет достойно послужить родине, когда поставит своей целью воспитательное воздействие на общество. Он не устает твердить, обращаясь к современным ему писателям: «Учите нас быть лучшими, чем мы есть; укореняйте в нас уважение к доброму и прекрасному, не потворствуйте вторгающейся в общество апатии к явлениям сомнительным или и вовсе презренным, но обнажайте и преследуйте подобные явления во имя правды, совести и человеческого достоинства; растолковывайте нам наши обязанности человеческие и гражданские, — мы еще так смутно их понимаем» («Заметки о журналах за июль месяц 1855 г.», т. IX, стр. 291). Предъявляя подобные требования к литературе, Некрасов не мог не возлагать на пишущих большой и серьезной ответственности. В «Заметках за март 1856 г.» читаем: «... только тот из писателей имеет право на симпатию и уважение читателя, кто шевелит его сердце, пробуждает негодование ко всему низкому и презренному, кто касается серьезных общественных вопросов, в ком энергия, мысль и правда идут дружно об руку» (т. IX, стр. 396).

Не случайно говорится здесь о «правде», т. е. правдивом реалистическом изображении действительности. Правда — одно из важнейших требований, предъявляемых Некрасовым искусству, и восторг, с которым он приветствовал литературный дебют Толстого, в основном объясняется тем, что в нем он увидел одного из величайших представителей «правды». По

поводу рассказа «Севастополь в августе 1855 года» Некрасов писал в «Заметках за декабрь 1855 и январь 1856 гг.»: «Достоинства повести первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда» (т. IX, стр. 372—373). А почти одновременно в одном из писем к Толстому (от 2 сентября 1855 года), Некрасов твердо заявлял: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе» (т. X, стр. 240—241).

Ссылка на Гоголя не случайна. Некрасов, как мы знаем, всецело воспринял ту сугубо положительную оценку Гоголя, то восторженное отношение к его творчеству, которые присущи были Белинскому. В подтверждение возможно было бы привести немалое количество выдержек и из его статей, и из его писем, но, думается, в этом нет надобности, ибо нигде взгляд Некрасова на Гоголя не проявился с таким блеском, как в общеизвестном поэтическом некрологе Гоголю — «Блажен незлобивый поэт».

Подобное отношение Некрасова к Гоголю определило его отношение к борьбе сторонников так называемого «пушкинского» и «гоголевского» направлений. Отрицательное отношение апологета «пушкинского» направления Дружинина к влиянию Гоголя на современную литературу до глубины души возмущает Некрасова. В одном из писем (от 16 сентября 1855 года) к В. П. Боткину он пишет: «Прочел я, что пишешь тебе Дружинин о Гоголе и его последователях, и нахожу, что Друж[инин] просто врет и врет безнадежно, так что и говорить с ним о подобных вещах бесполезно... Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда всё выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству» (т. X, стр. 247).

Что касается так называемого «пушкинского» направления, пропагандируемого, в противовес гоголевскому направлению, Дружининым и его единомышленниками, то Некрасов очень хорошо понимал, что это якобы «пушкинское» направление представляет собой не что иное, как фальсификацию, ибо то, что пропагандировал Дружинин под ярлыком «пушкинского» направления, до крайности уродовало и искажало облик вели-

кого поэта, низводя его до уровня сторонника теории чистого искусства, искусства для искусства, каким Пушкин никогда не был. К этой теории Некрасов, как мы знаем, относился глубоко отрицательно. «Нет науки для науки, — писал он в «Заметках о журналах за июль 1855 г.», — нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни» (т. IX, стр. 296).

Ни в малой мере не считая Пушкина сторонником искусства для искусства, Некрасов говорит о нем в «Заметках о журналах» с таким восторгом и любовью, что становится ясней ясного, что никогда и ни в каком случае он не уступит его эстетам дружининского типа.

Взять хотя бы его обращение к молодежи из «Заметок о журналах за ноябрь 1855 г.», заслуживающее исключительного внимания и широчайшей популярности, до сих пор не потерявшее своей актуальности: «Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, — и поучайтесь из них. Читайте биографию Пушкина... поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину и, если бог дал вам талант, идите по следам Пушкина, стараясь сравняться с ним если не успехами, то бескорыстным рвением, по мере сил и способностей, к просвещению, благу и славе отечества!» (т. IX, стр. 364).

В спорах о пушкинском и гоголевском направлениях, о теории чистого искусства Некрасов занимал позицию, очень близкую к той, которую занимал Чернышевский. Вообще, если в 40-е годы эстетические взгляды Некрасова формировались под явным и непосредственным влиянием Белинского, то в 50-е годы на них известное воздействие оказал автор «Эстетических отношений искусства к действительности». Однако и в 40-е годы, находясь под несомненным влиянием Белинского, Некрасов никогда не был простым его подражателем: он творчески усваивал и творчески перерабатывал его идеи, дополняя их своими идеями. В 50-е годы, сблизившись с Чернышевским, Некрасов был уже человеком со сложившимся мировоззрением, и Чернышевский это очень хорошо понимал. С полной искренностью, хотя, быть может, и несколько преувеличивая, он писал Некрасову от 24 сентября 1856 г.: «Вам... критика вовсе не нужна: я не знаю, какие ошибочные убеждения нужно было бы Вам исправлять в себе».¹

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 316.

Нет никакого сомнения, что под «убеждениями» Чернышевский разумел здесь не только политические убеждения, но и эстетические взгляды. И все же, думается, было бы несколько опрометчиво отрицать возможность известного воздействия Чернышевского на Некрасова. Ведь «Эстетические отношения искусства к действительности» являлись исключительно сильным и ярким теоретическим обоснованием эстетических взглядов революционных демократов, и трудно допустить, чтобы они не сказались на эстетической платформе Некрасова, хотя он, как верный ученик Белинского, нашел в «Эстетических отношениях» многое из того, что вынес из школы своего учителя.

Как бы то ни было, «Заметки о журналах» и стихотворные декларации Некрасова позволяют утверждать, что его эстетическая мысль стояла на высоком теоретическом уровне.

Об этом же свидетельствуют содержащиеся в «Заметках» его высказывания об отдельных современных ему писателях, особенно Толстом, Тургеневе, Островском. Выше уже было отмечено, что Некрасов чрезвычайно высоко ценил Толстого, как представителя той «правды» в литературе, которой ей так недоставало после смерти Гоголя. Иными словами, Некрасов сразу же увидел в Толстом великого представителя реализма. В немалую заслугу ставил Некрасов Толстому его стремление к художественному изображению тех сторон действительности, которых до него литература не касалась. «Со времени фразистых повестей Марлинского, — пишет он в «Заметках о журналах за сентябрь 1855 г.», — в которых и офицеры и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, мы не имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир. Подобно г. Тургеневу, который девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров и постепенно поставил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия, г. Л. Н. Т. в своей „Рубке леса“ представляет нам несколько типов русских солдат, типов, которые могут служить ключом к уразумению духа, понятий, привычек и вообще составных элементов военного сословия. Еще несколько таких очерков, и военный быт перестанет быть темною загадкою» (т. IX, стр. 332).

Упоминание о Тургеневе как авторе «Записок охотника» таково, что не оставляет сомнений в высоком мнении о нем Некрасова. Однако в «Заметках о журналах» Некрасову пришлось говорить не о «Записках охотника», а о романе Тургенева «Рудин». Оценка, данная Некрасовым этому роману, по-

ражает своей глубиной и тонкостью. Поскольку в образе Рудина обрисован «тип некоторых людей, стоявших еще недавно во главе умственного и жизненного движения» (т. IX, стр. 389), Некрасов хотя и соглашается с содержащейся в романе критикой их смешных или слабых сторон (они оказывались «несостоятельны при практическом приложении своих идей к делу»), однако подчеркивает, что Тургеневу не удалось достаточно «ясно и полно» выставить их «положительную сторону». Смысл этих слов прояснится, если вспомнить, что образ Рудина был задуман отнюдь не как рядовой тип «лишнего человека», заслуживающий развенчания,¹ а именно как образ человека, стоящего во главе «умственного движения» эпохи, вроде М. А. Бакунина.² Такой человек заслуживал несколько иного отношения, чем отношение Тургенева, и на это именно намекал Некрасов.

Некрасов критикует и А. Н. Островского как автора пьесы «Не так живи как хочется». Исходя в своем отзыве из убеждения, что Островский — «наш бесспорно первый драматический писатель», отмечая большие достоинства пьесы (мастерство в изображении характеров, хороший язык, «русский склад и в жизни и в речи» и т. д.), Некрасов не скрывает, однако, своего недовольства тем, что в пьесе сказались славянофильские тенденции «молодой редакции» «Москвитянина». Несомненно, что отзыв Некрасова ставил своей целью отвлечь «нашего первого драматического писателя» от этих тенденций, которые могли пагубно отразиться на его творчестве.

Если к сказанному добавить, что в «Заметках о журналах» Некрасов обнаруживает большой интерес к художественной стороне разбираемых произведений, к вопросам взаимоотношения содержания и формы, к особенностям их языка, то станет совершенно ясным, что «Заметки о журналах» заслуживают значительного внимания не только со стороны критиков и литературоведов, но и со стороны широких кругов советских читателей.

¹ Это развенчание и было дано Некрасовым в поэме «Саша», один из героев которой, Агарин, — типичный «лишний человек»

² Известно, что Тургенев намеревался первоначально изобразить в Рудине именно М. А. Бакунина, но под влиянием друзей переработал образ своего героя.